

# КОНВЕРГЕНЦИЯ – МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 330

**Корюн Казарович Антонян**,  
ст. преподаватель кафедры Экономичес-  
кие науки,  
Ереванский филиал Московского госу-  
дарственного университета экономики,  
статистики и информатики (МЭСИ)  
Тел.: 8 (055) 66-82-52  
Эл. почта: KAntonyan@mes.i.ru

В статье излагается теория конвергенции, которая является одной из основных концепций современной социологии, экономической мысли и политологии, усматривающая в общественном развитии современной эпохи преобладающую тенденцию к сближению двух социальных систем – капитализма и социализма с их последующим синтезом в некоем «смешанном обществе», сочетающем в себе положительные черты и свойства каждой из них.

**Ключевые слова:** конвергенция, социализм с китайской спецификой, шведский социализм, гибридное общество, эффективность и справедливость.

**Koryun K. Antonyan**  
Senior Lecturer, the Department of Eco-  
nomics,  
Yerevan branch of the Moscow State Univer-  
sity of Economics, Statistics and Informatics  
(MESI)  
Tel.: 8 (055) 668-252,  
E-mail: KAntonyan@mes.i.ru

## CONVERGENCE AS A CURRENT WAY OF SOCIAL AND ECONOMIC PROGRESS

Convergence theory is one of the basic concepts of modern sociology, economic thought and political science, perceiving in the social development of the modern era prevailing tendency of the convergence of the two social systems – socialism and capitalism with their subsequent synthesis in some “mixed society”, combining the positive features and the properties of each.

**Keywords:** convergence, socialism with the Chinese specific character, the Swedish socialism, hybrid society, efficiency and fairness.

## 1. Введение

Реформа экономики и всей общественной жизни предполагает многообразное и непредвзятое изучение зарубежного опыта. Важно изучать модели различных стран, чтобы найти нечто, что после соответствующего приспособления можно применить в экономической политике собственной страны.

Экономические реформы, проведенные в большинстве постсоветских государств и вызывающие у населения и специалистов порой самые противоречивые чувства и оценки, невольно заставляют внимательно присматриваться к ходу экономических процессов в других странах, в первую очередь к тем, чья переходная экономика является конвергентного типа, стабильно развивается в последние десятилетия, обеспечивая социальный мир и порядок (Республика Беларусь, КНР, СРВ и другие).

В современной экономической науке, да и для решения практических экономических задач, актуальна и дискуссионна проблема соотношения рынка и государственного, вообще вне рыночного, вмешательства. Еще более злободневна и спорна она для постсоциалистических стран, для которых речь идет в конечном счете о выборе парадигмы общественного развития. Имея за плечами горький опыт государственного социализма и столкнувшись с грубым вариантом капитализма, народы постсоциалистических стран, понятно, ищут третью альтернативу.

На важность проблематики конвергентной модели и усвоения ее уроков указывали еще в пору горбачевской перестройки многие ученые-экономисты, видные деятели науки и культуры. Однако тогда дальше газетных и журнальных полос обсуждение этой проблематики не пошло.

К сожалению, в советские времена со стороны руководства СССР теория конвергенции рассматривалась как «реакционное, буржуазное, антикоммунистическое учение» и была фактически запрещена. Это объясняет, почему в период перестройки широкое распространение получили дезориентирующие теоретические постулаты: «Либо капитализм, либо социализм», «Третьего не дано», «Нельзя быть немножко беременной». Это мешало выработке ясной концепции движения вперед по пути создания в Советском Союзе более совершенной, справедливой и эффективной модели современного общества.

На наш взгляд, назрела необходимость заново присмотреться особенно к шведской, китайской моделям в различных их истолкованиях – и как конвергентный тип хозяйства, и как способа регулирования трудовых отношений, и как системы социальной защиты, и как политэкономии социал-реформизма.

Конвергентная модель, полностью себя оправдавший, и поучительный опыт социально-экономического развития КНР, Швеции и некоторых других стран, представляет интерес и с точки зрения заимствования и внедрения ее некоторых элементов в экономику РФ, РА.

Представляется, что развитию наших стран может содействовать создание конвергентного социального общества, которое вобрало бы в себя наилучшие национальные и социальные, в том числе и социалистические, черты прошлого развития Советского Союза, других социалистических стран и современной западной социальной системы.

Этим и объясняется актуальность данной темы.

## 2. Предпосылки возникновения конвергенции

Теория конвергенции является одной из основных концепций современной социологии, экономической мысли и политологии, усматривающая в общественном развитии современной эпохи преобладающую тенденцию к сближению двух социальных систем – капитализма и социализма с их последующим синтезом в некоем «смешанном обществе», сочетающем в себе положительные черты и свойства каждой из них.

Конвергенция – понятие времен двухполюсного мира, периода непримиримой борьбы двух мировых систем – капитализма и социализма. Теория получила распространение в западной общественной мысли в 50–60-х гг.

В современной экономической науке, и в решении практических экономических задач, актуальна и дискуссионна проблема соотношения рынка и государственного, вообще вне-рыночного, вмешательства. Еще более злободневна и спорна она для постсоциалистических стран, для которых речь идет в конечном счете о выборе парадигмы общественного развития.

Имея за плечами горький опыт государственного социализма и столкнувшись с грубым вариантом капитализма, народы постсоциалистических стран, понятно, ищут третью альтернативу. Тут-то они и обнаруживают так называемый «шведский социализм» – своеобразное сочетание капиталистического базиса и развитой надстройки, по характеру близкой к социалистической.

На Шведскую модель нередко указывают, как на некий исторический эталон конвергенции – пропорции между рынком и государственным вмешательством, наиболее удачно соединивший в себе плюсы того и другого. Попытку выступить под флагом Шведской модели, в частности под лозунгом «капитализм в производстве, социализм в распределении», предпринимал не один политический деятель, стремившийся обозначить этим символом свое видение постсоветских перспектив.[1]

В Швеции – в отличие от других государств – сложился своего рода социально-экономический консенсус. Но как он сложился? Был ли он специфически шведским феноменом?

Положение в мире на исходе Второй мировой войны, прежде всего своеобразное соотношение политических сил – национальное и международное, – возникшее в результате победы над гитлеровской Германией и ее союзниками, было вызвано не чем иным, как специфической исторической конъюнктурой. После Первой мировой войны тогдашние социальные элиты старались как можно скорее восстановить тот мир, что существовал до 1914 г.

После Второй мировой войны одни только политические безумцы могли помыслить о возврате к старому порядку, к ужасающим временам катастрофы, от которой удалось избавиться только ценой невиданной прежде войны с десятками миллионов убитых. Все, кто занимал ответственные посты и размышлял о желательных

принципах послевоенного мирового хозяйства и хозяйственного строя, имели за плечами горький опыт мирового экономического кризиса 30-х годов. К этому экономическому опыту добавлялся опыт политический. Он побуждал реформировать капитализм и делал это очевидным для всех, кто только что воевал с гитлеровской Германией – порождением мирового экономического кризиса. Сложилось общее единодушие насчет того, что массовая безработица вместе со стихийным свободным рынком отныне недопустимы по социальным и политическим соображениям. Это понимание превратилось в материальную силу благодаря неслыханному нажиму снизу. Власть имущие воюющих западных стран были вынуждены, дабы сплотить свои нации на борьбу с фашистским агрессором, делать уступки и обещать социальные реформы в будущем. Народные же массы в конце войны требовали построения «нового мира». Из такой интернациональной перспективы исходила и шведская социал-демократия с ее политикой всеобщего благосостояния.

Второй предпосылкой указанной политики явился кратковременный и странный союз между западными союзниками и СССР, в сущности спасший демократию. Этот союз против фашизма и стал во многих отношениях поворотным пунктом в истории XX в., его решающим моментом. Своеобразная ирония этого века в том, что самым основательным результатом Октябрьской революции, целью которой было свержение капитализма на всей планете, стало спасение его не только во второй мировой войне – в силу решающего вклада Советской армии в победу, но и в мирное время – вследствие внушаемого упомянутой революцией страха, побудившего капитализм после войны к самореформированию. Под страхом как побудительным мотивом имеется в виду боязнь распространения СССР на запад и на юг, водружения красного знамени на развалинах несостоятельной капиталистической экономики. Фактор страха продолжал действовать и после спада революционной волны в Европе (но не в Третьем мире). Отчасти из-за соревнования двух общественных систем массовое потребление, гражданские права и свободы были возведены в отличительные признаки западной демократии. Так всемирное соотношение сил

вынудило капиталистический лагерь во всем западном мире, а не только в Швеции, к тому самому консенсусу, к конвергентности. [2]

### 3. Китайская модель конвергенции: теоретические поиски

Появившаяся с началом реформ формула «социализм с китайской спецификой» дала определенную идеологическую установку и открыла немалый творческий простор китайским экономистам. С одной стороны, их поиски направлены на разработку общей теории социализма, с другой – сводили явно не укладывающиеся в «социализм» явления к «китайской специфике».

Истина состоит в том, что в китайской модели сосуществуют два противоположных уклада хозяйства, развивающиеся по принципиально разным законам.

Социализм проявляется в плановости хозяйства, его регулировании в общенародных интересах (а не только господствующего класса). Он выражается и в отчасти действующем в стране законе распределения по труду, в усилиях государства, направленных на создание и поддержание социальной гармонии. Капиталистический уклад основан на рынке и товарном производстве, рождающих прибавочную стоимость, накопление капитала, эксплуатацию человека человеком, беспощадную конкурентную борьбу с ее не только эффективностью, но и анархией производства. То, что в Китае все эти «фрагменты из разных опер» оказались в «одном либретто», не дает права на теоретические упрощения действительности, ибо наука требует видеть за явлениями, видимыми на поверхности, их сущность, более глубинные связи.

Таким образом, утвердившееся понятие – «социализм с китайской спецификой» – далеко не безупречно. В данном случае «китайская специфика» означает не национальные особенности страны, а мощные пласты капитализма, привитые к социализму и дополняющие его с позитивным эффектом для общества в целом.

Социалистическая составляющая гибридного общества выражается в регулирующих функциях государства, становящихся базисными в новой смешанной системе. Капиталистическая основа, представленная конкурирую-

щими между собой частными производителями, при этом, с одной стороны, несколько ограничивается, а с другой, заметно упрочивается, так как в неё встраивается мощный действующий на пользу всем макроэкономический регулятор.

Дефекты неконтролируемого рынка и его «невидимой руки» теперь уже всем очевидны. Но практика мирового социализма не менее ясно показала и ущербность всеохватывающего планирования и управления из единого центра. Лишь при их определённой комбинации оба регулятора дают оптимальный для общества результат.

Политэкономическая картина китайского общества представляет собой пеструю мозаику, состоящую в основном из уживающихся между собой производственных отношений социализма и капитализма

Тот общественно-экономический строй, который сегодня называется в КНР социализмом с китайской спецификой, является конвергентной по своей сути, смешанной экономикой, где очень разнообразны по уровню развития производительные силы, где сосуществуют различные по формам собственности типы хозяйств и соответствующие им отношения по производству и распределению материальных благ.

Не следует ли из этого, что термин «социализм с китайской спецификой» полностью оторван от действительности или утратил смысл? Нет конечно. В Китае была найдена такая форма экономических отношений, которая способствовала наиболее быстрому развитию производительных сил страны и отвечала коренным интересам подавляющего большинства ее миллиардного народа.

Однако в классическом смысле социализма в Поднебесной уже нет. Там утвердился симбиоз социализма с капитализмом, давно называемый в экономической науке конвергенцией. В таком смешанном обществе не может не быть серьезных противоречий, ибо под одной крышей одновременно действуют разные законы и регуляторы: общественные и частные, плановые и рыночные, социалистические и капиталистические. И считать эту систему социализмом – значит поступаться истиной. С тактической и политической точек зрения такую позицию можно понять. Но она не имеет под собой прочного теоретического фундамента.

Некоторые ученые, наблюдая успехи современного Китая, связывают их однозначно и одномерно с движением от социализма к капитализму и называют в этой связи подобные экономики переходными. Но это далеко не так. В Китае – в экономике и политике руководящую роль продолжает сохранять компартия. Свою цель они обозначили как строительство социализма с китайской спецификой. Нет никакого движения к капитализму, а есть симбиоз, есть конвергентный строй.

С политэкономической позиции такое конвергентное общество не может быть долговечным, так как в нем заложены непримиримые антагонизмы. Но в Китае именно такой умело поддерживаемый баланс приводит к оптимальным результатам на протяжении уже трети века. И, по их прогнозам, продлится ещё столетия. Дэн Сяопин и его последователи в поиске оптимальных форм устройства для своей страны пришли к смешанному обществу. До них к конвергентной гавани, но с другой стороны, пришвартовались Швеция и многие другие успешные страны.

Может быть, это политэкономическая модель новой, наиболее прогрессивной формации, идущей на смену капитализму и социализму? И не являются ли китайцы своим примером прообраз желательного социального устройства мира? Не исключено, что так. Ибо рано или поздно отстающие от других государства и их правители задумаются о цвете «кошки, хорошо ловящей мышей».

Таким образом, сохраняя нацеленность на строительство социализма, Китай активно использует все атрибуты рыночной экономики, но при направляющем воздействии государства и общественных интересов. Китайская модель выделяется своей уникальностью, ибо и ее теоретические основы построены на совмещении марксистской политической экономии с экономикс. Все это позволяет квалифицировать китайскую систему как национальную политическую экономию, в которой национальный интерес определяет сочетание различных научных направлений.[3]

#### 4. Практика как критерий истины

Выдающиеся экономические успехи Китая, достигнутые благодаря конвергентной модели социально-экономического развития, признаны

всеми. Ныне это вторая после США экономика мира и первая по размерам экспорта. За Китаем, как когда-то за Англией, твердо закрепилась слава «мировой фабрики». Но если раньше китайские товары ассоциировались с низким качеством, то в последнее время они известны как «недорогие, но качественные». В стране с нуля создана собственная автомобильная промышленность, и уже два года Китай занимает на этом богатейшем рынке первое место, обогнав США и Японию и производя в год около 19 млн машин.

Одним из главных задач является превращение страны в мировой инновационный центр. Число ученых в Китае достигло 1,5 млн человек – не уступают США, а среди производимых товаров растет доля высокотехнологичной продукции. В КНР выпущен самый быстродействующий компьютер в мире. Китайцы уже провели пробный запуск истребителя пятого поколения J-20 и направляют в космос людей. Китай – мировой лидер в сфере изготовления изделий солнечной энергетики, которая сейчас находится на стадии, сравнимой с той, в которой 12–15 лет назад пребывала индустрия мобильных телефонов. Рекордные золотовалютные резервы Китая превысили три трлн. долл.

Жизненный уровень китайцев за годы реформ вырос в девять раз. И хотя по душевому ВВП Китай значительно отстает от развитых стран, а бедность все еще охватывает десятки миллионов человек, постоянное улучшение ситуации не вызывает сомнений. Средняя продолжительность жизни возросла до 73 лет, а в Пекине и Шанхае она и того больше.

В разгар кризиса китайское правительство стимулировало свою экономику, затратив на это 600 млрд. долл., что компенсировало потери на внешних рынках и отток из страны иностранного капитала. В самом тяжелом 2009 г. рост ВВП Китая составил 8%. В то время как Европа и Америка увязли в долговых и прочих проблемах, великий Дракон становится славным двигателем мировой экономики.[4]

В Китае частные и капиталистические формы собственности представляются органическими атрибутами «китайского социализма». Это явный отход от классического понимания социализма.

За последние 30 лет в ходе рыночных преобразований в КНР произошел

решительный отход от традиционных норм социализма в сторону допущения на благо развития производительных сил и улучшения на этой основе жизни людей не только единоличных, но и частных хозяйств, распределения не только по труду, но и по капиталу, формирование регулируемой на макроуровне рыночной экономики. Фактически за годы реформ Китай создал конвергентную по своей сути «смешанную экономику», ибо ни в классический, ни в «нэповский социализм» эта экономика не вписывается, но в ней присутствует в качестве необходимой составляющей идея «социального контроля над производством».

Еще в период маоизма несколько представителей высшего эшелона лидеров КПК высказывались за необходимость «сохранения некоторых хвостов капитализма». Дэн Сяопин ввел в оборот формулу «социализм с китайской спецификой», включающую частную собственность и капиталистические элементы. В результате начатых под его руководством реформ в стране развился весьма эффективный симбиоз различных экономических укладов при политическом руководстве КПК. По нашему мнению, этот успех был обусловлен следующим:

- КНР не тратила много сил на разрушение и критику прошлого, а сосредоточила их на созидании нового;

- реформы сразу были направлены на удовлетворение нужд населения, что обеспечило общенародную поддержку уже на первых их этапах;

- руководство КПК не стало осуществлять реформу по каким-либо чужим рецептам, а решило исходить из особенностей своей страны, учитывать численность населения при крайней ограниченности ресурсов;

- в КНР не проводилась обвальная либерализация, а шло поэтапное, апробированное экспериментом продвижение к рынку;

- создание субъектов рынка осуществлялось в КНР не путем разрушения существующих государственных структур, а заполнением имеющихся брешей, для чего не только использовались внутренние резервы, но и привлекались зарубежные капиталы;

- стимулируя хозяйственную инициативу на микроуровне, китайское руководство не выпускало из поля зрения макроконтроль, а временами по мере необходимости и усиливало его;

- практика реформ показала, что самый естественный путь к рынку – сочетание различных форм собственности, типов хозяйств. Это оптимальным образом корректирует структуру инвестиций и производства, приближает их к реальным потребностям народа.

Творческое развитие, а не отказ от марксистской теории, помогало китайцам решать труднейшие проблемы.

Реформы Дэн Сяопина были неторопливыми. Начинать он не с ломки политической системы, а с повышения эффективности экономики. И как будто твердо знал, что для верного курса корабля нужны не только паруса частного предпринимательства, но и штурвал государственного регулирования. До конца жизни Дэн не допускал мысли о капиталистическом перерождении страны.

Усилия китайских ученых в перестроечные времена сместились от марксизма как вероучения и нормативизма в сторону эмпирического анализа.

Китайские теоретики пришли к заключению, что развитие производительных сил следует сделать главной задачей, но обязательными условиями должно быть сохранение социалистической ориентации и поиск способов сделать целью развития удовлетворение интересов людей. [4]

Расслоение, но не поляризация: факт имущественного расслоения не тождествен тезису о растущей «поляризации» китайского общества. Последнее происходит, когда не только богатые богатеют, но и бедные беднеют. Фактические данные свидетельствуют, что в Китае этого нет. Да, растет имущественная дифференциация, но одновременно растут, хотя и в разной степени, доходы практически всех слоев населения, а количество бедных за годы реформ сократилось на 250–270 млн. человек.

Растет и средний класс китайского общества. К нему следует отнести 23% населения, примерно 300 млн человек, чей годовой доход составляет около 12 тыс. долл. Между тем еще в 2004 г. к среднему классу принадлежало лишь 12% населения страны. Рост среднего класса Китая основан на быстром развитии экономики страны, ускорившем накопление общественного богатства, в результате чего появилась группа с доходами высокого уровня. Другими факторами служат рост числа образованных людей и увеличение городского населения. Многие зарубежные

и китайские эксперты прогнозируют, что через 20–30 лет доля среднего класса в Китае достигнет 60%, а его численность – 800–900 млн человек. По абсолютной численности среднего класса Китай уже сегодня занимает первое место в мире. [5]

## 5. Заключение

Таким образом, мировая практика показывает, что наиболее успешные в экономической области страны представляют собой носителей конвергентного, или смешанного, типа развития двух прежде противоположных систем хозяйствования, социалистической и капиталистической, т. е. страны, которые практикуют симбиоз социализма и капитализма. Именно такой синтез представляет собой наиболее эффективную модель современного общественно-экономического устройства.

Конвергентное общество – отнюдь не утопия, а реальность, представленная наиболее быстрорастущими и стабильными государствами Востока и Запада. Там оно утвердилось спонтанно, путём естественного отбора и «изменения видов». Однако в условиях олигархического капитализма во многих современных переходных экономиках оно может состояться и закрепиться лишь при проведении нынешними и будущими их политическими лидерами осознанного и последовательного курса на создание модели, сочетающей в себе преимущества капитализма и социализма. Но для этого сами понятия по крайней мере должны перестать быть табу в теоретических и идеологических спорах о судьбах переходных стран, да и всего мира.

И о многом говорит тот факт, что на «острова стабильности» во время поразившего мир финансового кризиса больше всего были похожи Китай, Вьетнам, Беларусь и некоторые европейские страны, где разумно сочетаются здоровые рыночные и государственные, вернее, капиталистические и социалистические начала, где удался найти тот «третий путь», который совместил экономический рост и справедливое распределение, благоприятные условия для бизнеса и социальное государство, гибкость рынка рабочей силы и социальную защиту – иными словами, две великие человеческие ценности: эффективность и справедливость. Конвергентная модель социально-экономического

развития КНР и ряда других стран пусть станет для нас не только немым укором, но и уроком, который нужно усвоить, чтобы, не копируя его полностью, а принимая за основу, составить соответствующую нашим реалиям программу вывода наших стран на траекторию гармоничного, быстрого и стабильного развития.

#### Литература

1. Гришин И. Шведская модель общественного развития: дихотомия рынок-политика. Журнал – Мировая экономика и международные отношения. М.: 2005, № 10, с.76–87.
2. «Шведские ученые о шведской модели и ее российских трактовках» – материалы научного семинара. Журнал – Мировая экономика и международные отношения. М.: 2007, № 8, с 94–106.
3. Цаголов Г.Н. Биполярная элементарная клеточка конвергентной формации. Экономическая и философская газета. М.: 2012. №34.

4. Гельбрас В.Г. КНР. Поиск новой модели развития. Журнал – Азия и Африка сегодня. М.: 2009, №3, с.3–9

5. Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. М.: ФОРУМ, 2011, 352 с.

6. Цагалов Г.Н. Великая китайская конвергенция. Журнал – Вопросы экономики». – М.:2011. №11, с. 133–141.

7. Локшин Г. «Ханой: курс на «социализм с вьетнамским лицом». Журнал – Мировая экономика и международные отношения. М.: 2011, № 8, с. 76–86.

8. Вьетнам: постсоциалистический «тигр», материалы научного семинара. Журнал – Мировая экономика и международные отношения. М.: 2012, № 2, с. 91–104.

#### References

1. Grishin I. The Swedish model of social development policy-market dichotomy. Magazine – The world economy and international relations. M.: 2005, # 10, p. 76-87.

2. "The Swedish scientists about the Swedish model and her Russian interpretation of" material-scientific seminar. Magazine – The world economy and international relations. M.: 2007, # 8, 94-106.

3. Tsagolov G.N. bipolar elementary cell converged formation. Economic and Philosophical newspaper. M: 2012. # 34.

4. Gelbras V.G. PRC. Searching for a new development model. Magazine - Asia and Africa today. M.: 2009, # 3, p.3-9.

5. Pivovarova E. P. Socialism with Chinese characteristics. M.: FORUM, 2011.352 p.

6. Tsagolov G.N. The Great Chinese Convergence. Magazine - Economic Issues, "M: 2011. # 11, p.133-141.

7. Lokshin G. "Hanoi: course for "socialism with a Vietnamese person. "Journal-World Economy and International Relations. M.: 2011, # 8, p. 76-86.

8. Vietnam: the post-socialist "tiger", Materials Science Seminar. Magazine – The world economy and international relations. M.: 2012, # 2, p. 91-104.